

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА И СОВРЕМЕННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

І. Постановка проблемы

В западноевропейской научной литературе исследование проблематики менталитета представлено в трудах таких известных ученых, как Ф. Бродель [1], Жак де Гофф [2], Й. Хейзинга [3], Л. Февр [4], и также др. Интерес к ней давно обнаружился и в восточноевропейских странах (работы Н. И. Костомарова [5], П. Кулиша [6], А. А. Потебни [7], В. С. Соловьева [8], Е. Н. Трубецкого [9], М. С. Грушевского [10], Н. Бердяева [11] и усиливается в последние десятилетия [12]. Но в области экономической истории эта проблематика, в частности, специфика менталитета непосредственного производителя, исследуется недостаточно. Между тем, ускоренное продвижение в этом направлении могло бы существенно повысить уровень экономического анализа процесса развития хозяйственных подсистем, историко-экономического опыта, усилить влияние экономической истории на другие науки и современную практику. На этой основе ожидается также существенное расширение ее творческих взаимосвязей с теорией и практикой менеджмента (определенное обогащение теории, разработка детальных рекомендаций по учету, использованию резервов и преодолению недостатков восточнославянского менталитета).

ІІ. Уточнение ключевого понятия

Понятие “ментальность”, “менталитет” (от латинского *mentalis* — умственный, духовный, психический) в настоящее время имеет ряд трактовок: а) глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий бессознательные акты [13], б) совокупность пси-

* Доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления экономико-правового факультета ОГУ им. И. И. Мечникова.

хологических, поведенческих установок индивида или социальной группы, в) духовность; характерный для личности или общественной группы способ мышления, склад ума [14]. Американский ученый Д. Филд в статье “История менталитета в зарубежной историографии” определяет его “как устойчивый склад ума, имеющий если не логическую форму, то системный характер, который коренится в материальной жизни и широко распространен в значительной части населения и который оказывает непосредственное влияние на экономические, социальные и политические отношения” [15, 8]. В каждом из этих определений есть существенная доля истины и один общий, еще более существенный недостаток: отсутствие четких представлений о структуре, функционировании и развитии духовной системы личности. Если углубляя представления об этой системе, мы попытаемся объединить знания гуманитарных наук, то уже на первом этапе интеграции убедимся, что в структуру человеческой ноосферы входят следующие побудители, трансформаторы и накопители, духовного: потребности, ощущения, восприятие, мышление, язык, чувства, знания (включая представления о собственном “Я”), память, навыки и умения, опыт и мораль, физическое здоровье и жизненная энергия индивида. Им присущи определения — асинхронность развития и разнотипность взаимосвязей. Каждый из элементов, или в сочетании с другими, при условии постоянной повышенной активности, может определять главные особенности менталитета. Но для разных этнических групп эти ведущие могут быть разными. Поэтому определения, акцентирующие внимание на “устойчивом складе ума”, “способе мышления”, “совокупности поведенческих установок” следует признать неточными.

На мой взгляд, менталитет — это уровень развитости, соотношения, функционирования и роли элементов духовной системы человека, социальной или этнической группы, проявляющийся в реакциях и поведенческих установках. Он оказывает непосредственное воздействие на социально-экономические, политические, этнические и экологические процессы.

III. Предварительные результаты изучения проблемы

1. В Западной Европе сельская община, за отдельными исключениями, исчезла очень рано. Бывший общинник, оставшись один на один с жизненными обстоятельствами, рано стал обособленной индивидуальностью, отвечающей за последствия своих действий.

На громадных просторах Восточной Европы община сохранялась

до 20-х гг. XX века. Личностное здесь растворялось в коллективном. Особь подчинялась большинству. Процесс индивидуализации непосредственного производителя, повышение уровня его самосознания, самоорганизации, ответственности, активности существенно тормозился. Семейно-родовая плазма согревала своим теплом, успокаивала, объединяла, но мало способствовала сопротивлению и развитию. В ранний период нашей истории, на этой благодатной для насилия почве возникает родовой сюзеренитет Рюриковичей. Власть принадлежит их роду. Отношения между князьями имеют семейно-родовой характер. Но с расширением практики наделения земель бояр и младших дружинников (вторая половина XI века) начинают складываться вассальные отношения [16]. Они формировались в условиях общинного, семейно-родового, слабо индивидуализированного сознания и это определило их специфику.

В Западной Европе отношения между господином и вассалом фиксировались в форме четких, скрепленных клятвой обязательств и уважающих личность правовых норм. На этой основе постепенно вырисовались иерархически-правовые основы общественного порядка. На Руси вассалитет зачастую принимал формы подданства — добровольного или силового подчинения вассала. Господин становился неограниченным повелителем. Личностно-правовые нормы и обязательства в западноевропейском понимании отсутствовали. Становлению грубо-силовых форм зависимости и управления способствовали и следующие обстоятельства.

Восточное славянство осталось за пределами западноевропейского культурного возрождения V-VIII вв. Именно в этот период такие авторы, как Бозций (480-524), Кассиодор (480-573), Исиодор Севильский (560-636), Беда Достопочтенный (637-735) изложили в своих работах основные достижения античности, в доступной для средневековья форме. Перед монахами была поставлена задача постоянного расширения знаний, переписки древних рукописей, овладение основами латинской риторики. Светская культура рассматривалась как необходимый элемент постижения священного писания. Через раннюю патриотику в церковную литературу попадают идеи Цицерона о значении и роли труда в жизнедеятельности человека и общества. С течением времени труд начинает рассматриваться не как греховное наказание, а как обязанность перед Богом. Особую яркость затем эта мысль приобрела в протестантизме: человек рожден для труда, как птица для полета, писал Мартин Лютер. Религиозные доктрины

Запада, таким образом, кроме всего прочего, включали существенные практически-конструктивные элементы — активное просвещение, а также трудовое и дисциплинарное воспитание общества.

Утвердившийся на Руси византийский вариант христианства был нацелен, в основном, на молитву и веру. Безусловно, он оказал существенное влияние на развитие культуры (появляются переводы “Библии” и “Нового завета”, становятся доступными византийские хроники и книги естественнонаучного содержания, начинается обучение грамоте, при Софийском соборе в Киеве возникает первая библиотека, формируются летописные своды и т.д.). Но он замкнулся затем на уникальности православия, активно противостоял духовному влиянию Западной Европы. Когда на Западе с XII века ирано-арабский мир Востока через испанских евреев-переводчиков начал передачу наследия Аристотеля, Птолемея, Эвклида, Гиппократ, Авиценны, когда возникли университеты и появился новый вид знания — знание доказательство, Русь снова оказалась вне этого мощного духовного процесса. Подобные явления в последующем повторялись неоднократно. Подчеркнем в связи с этим, что качество и объем конструктивной информации, заключенной в духовной культуре, является существенным фактором социально-экономического развития общества. Он обнаруживает себя в логике мышления, организации труда, решении хозяйственных вопросов, эффективности образования, развития права и правосознания, совершенствования управления, уровне порядка и общественной дисциплины и т.д. Поэтому особенности творчески-конструктивной составляющей духовной культуры восточного славянства, ее влияние на государственно-управленческую элиту, чиновничий аппарат, имущие слои и население в целом следует рассматривать как существенный фактор формирования менталитета. На Руси он играл не только позитивную, но и отрицательную, консервативно-сдерживающую роль. В этих условиях, дополненных многолетней свирепостью татаро-монгольского порабощения, грубо-силовые формы управления, закабаления и жесточайшей эксплуатации крестьян стало ярко выраженным долгосрочным процессом. Феодалное государство закрепляет этот процесс в целом ряде законодательных актов, начиная с “Русской правды”. На территории Северо-Восточных русских княжеств с 1497 г. действовал “Судебник”, ограничивающий право перехода крестьянина от помещика к помещику и определяющий обязанность уплаты так называемого “пожилого”. Следующий за ним “Судебник” 1550 года подтверждал основ-

ные положения предыдущего документа и увеличивал размер взноса при переходе. “Соборное уложение” 1649 года окончательно закрепило крестьян. Отменялись сроки розыска беглых, устанавливались штрафы за их укрывательство, наказания за коллективные выступления. Помещичьи крепостные лишались права судебного представительства. Феодал становился ответственным за государственные повинности подневольного населения.

На территориях, захваченных Литвой и Польшей, закрепощения крестьянства развивалось еще интенсивнее. В 1435 г. Галицкая шляхта ограничила переход крестьянина от одного феодала к другому. В 1447 г. согласно Привилею литовского князя Казимира право выхода крепостного, издавна “сидевшего на земле”, было еще больше затруднено. “Судебник” 1468 г. гарантировал феодалу право судить своих подданных и запрещал последним подавать жалобы на господ. Польские сеймы 1505 и 1520 гг. запретили крестьянам покидать надел без разрешения господина и узаконили двухдневную паншину. Первый Литовский статут 1529 г. разрешал покупку крестьян без земли, констатировал глубокое социальное различие между господином и крепостным (за убитого шляхтича — 100 коп., за тяглого крестьянина — 10 коп., за несвободного слугу — 5 коп.). Устанавливались суровые наказания за побои шляхтичу (холопу и мещанину отрубали руку). Второй Литовский статут 1566 г. был более суровым. За оскорбление шляхтича крестьянину отрезался язык. За убийство шляхтича несколькими холопами их всех осуждают на смерть. Ограничиваются права крестьянина на движимое имущество. Продажа земли допускается только между крестьянами одного имени. Третий Литовский статут 1588 г. окончательно закрепостил крестьян, упразднив право перехода от феодала к феодалу. В разряд зависимых зачислялись все проживающие на данной территории десять лет. Подтверждалось право вотчинного суда над крестьянами. Последние лишались права распоряжения своим имуществом. Срок розыска беглых увеличивался до 10 лет. Шляхта уравнивалась в правах с вотчинниками. Последний этап закрепощения последовал почти через 200 лет. В 1783 г. специальным указом Екатерины II были закрепощены остатки свободного населения Украины. Общеизвестно, что экономическое и физическое насилие над крестьянством продолжалось и в последующем, включая коллективизацию и послевоенное восстановление хозяйства (1945 — 1950). Таким образом, уже сказанное дает возможность определить самые общие особенности восточнославянского менталитета:

а) это менталитет, сформировавшийся в условиях долгосрочного процесса грубого, неограниченного насилия над большинством населения;

б) особенно длительный период его эволюции приходится на крепостнический строй (крепостничество – свыше тысячи лет; капитализм – 56 лет, советский строй – 74 года);

в) это менталитет, развивающийся в условиях ослабленного влияния творчески-конструктивной составляющей духовной культуры на “верхи” и “низы” общества.

А теперь обратим внимание на следующее.

Удельный вес земледельческого населения в России до революции преобладал: 1863 г. — 91%, в 1897 г. — 87 %, в 1915 г. — 84 % [17]. В 1940 г. он составил 54% [18, 397]. В дальнейшем этот процент постепенно снижается за счет перелива сельского населения в города. Но если учесть, что и эта часть населения по своим психологическим установкам оставалась очень близкой земледельцу, то к перечисленным особенностям менталитета восточных славян следует добавить еще одну: это менталитет земледельческого характера. Поэтому определение его детальной историко-экономической специфики непосредственно связано с выяснением долгосрочных социально-экономических условий жизнедеятельности крестьянства. В историко-экономической литературе этот аспект отражен достаточно полно. Выводы, как правило, однозначны: Личное и экономическое бесправие земледельца, принудительный труд, телесные наказания и запрет подавать жалобы на господ в крепостной период, малоземелье, выкупные платежи, рост налогов, примитивность агротехники, неурожаи, давление общины в пореформенные годы, насилие и лишение земли в период коллективизации, оттеснение крестьянства на приусадебные участки, дававшие в советский период 1/3 сельскохозяйственной продукции. Но для того, чтобы оттенить главное, подчеркнуть долгосрочность и преемственность этой тенденции на протяжении сотен лет, поступим следующим образом. Сопоставим свидетельства англичанина Д. Флетчера, издавшего в 1591 г. книгу “О государстве Русском”, выдержки из работы русского государственного деятеля и экономиста А. П. Заблоцкого-Десятовского (1807—1881) “О крепостном состоянии в России” (1841 г.), писателя-публициста А. Н. Энгельгардта (1832—1898) (письма “Из деревни” 1878 г.) и архивные данные 1932—1933 гг. (Украина). В начале 90-х гг. XVI в. Д. Флетчер писал: “что касается до земель, движимого имущества и другой соб-

ственности простого народа, то все это принадлежит ему только по названию и на самом деле нисколько не ограждено от хищничества и грабежа, как высших властей, так даже и простых дворян, чиновников и солдат. Чрезвычайные притеснения, которым подвергаются бедные простолюдины, лишают их вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо кто из них зажиточнее, тем в большей находится опасности не только лишиться имущества, но и самой жизни” [19, 193].

Через 260 лет А. П. Заблоцкий-Десятовский уже в начале сороковых годов XIX века, говоря о положении русского крестьянства, отмечает: “Все попечение помещика о своем крестьянине ограничивается только сохранением его физической силы, нужной для обрабатывания земель. До обогащения крестьянина, составления у него капитала, никому нет дела. С одной стороны, заставляют его работать как возможно более ..., а с другой — вытягивают из него копейку разными ухищренными способами. ...Совершенная зависимость от произвола владельца и безнадежность освободиться от этой зависимости, убивают в крепостном склонность к бережливости и прочному улучшению своего быта... Этим легко объясняется, почему крестьяне даже у попечительных владельцев живут большею частью дурно и почему заведомо богатые из них редко пускают в оборот капиталы свои, но прячут их тщательно на черный день” [20, 34]. Почти через сорок лет, уже в пореформенный период, по этому же поводу высказывается образцовый помещик-народник А. Н. Энгельгардт: “...крестьянские наделы слишком малы и обременены слишком большими налогами. Огромные недоимки, частые голодовки, быстрое увеличение числа безземельных... Во многих деревнях крестьяне получили в надел менее того количества земли, какое у них было в пользовании при крепостном праве. Вся лишняя за указанным наделом земля была отрезана во владение помещика и составила так называемые отрезки... За отрезки крестьяне обрабатывают помещикам землю...” [20, 312]. Через 55 лет в период коллективизации и голода 1932 — 1933 гг. в Украине положение земледельческого населения стало еще более удручающим: наделная земля была принудительно отобрана и вошла в земельный фонд колхозов, сами крестьяне таким же путем стали колхозниками. Начались раскулачивания и ссылки зажиточной, наиболее опытной части деревни. Возросло налогообложение. За неспадчу хлеба государству забирались приусадебные участки, сносились строения, прекращался подвоз товаров, запрещалась колхозная торговля. Практиковались аресты крестьян, заключение в

подвалы, выселение из домов, избиения и грубые издевательства. В 1932 — 1933 гг. на Украине начался голод, унесший миллионы жизней. Голодное сельское население ринулось в города. На железнодорожных станциях его отлавливали специальные отряды и насильно возвращали в полувымершие села... [22].

Сопоставление приведенных данных свидетельствует о том, что крестьянство Европейской части России на протяжении многих веков существовало в сложной, экстремальной социально-экономической обстановке, нарушающей нормальное воспроизводство его жизненных сил и угрожающей самой жизни производителей. В этих условиях от них требовались максимальные усилия для обеспечения главной цели — выживания, самосохранения себя и своих близких. Эта тенденция, идущая с незапамятных времен и сохранявшаяся у восточных славян на протяжении последних тысячелетий, не могла не стать основным, преобладающим мотивом к труду. Сохраняется она и в настоящее время. Выживание связано с удовлетворением самых необходимых нужд: в пище, одежде, жилье, воде, воздухе. В большинстве современных развитых стран эта проблема давно решена. В государствах СНГ ее решение, по целому ряду общеизвестных, объективных причин, затруднено. Но в их структуре есть и причина, которой уделяется очень мало внимания: выживание, как главный мотив к труду, стало ментальной установкой населения. Высшим эталоном жизненного успеха в этих условиях представляется достижение материального благополучия. Представления о качестве жизни, личности, ее духовном развитии, как правило, очень смутны и у непосредственного производителя, и у современного бизнесмена. Таким образом, обратившись к теории иерархии потребностей Эбрахама Маслоу, мы обнаруживаем не только подтверждение того, что наши потребности входят в первую, низшую группу, но и то обстоятельство, что целый ряд более высоких потребностей — высокого профессионализма, собственной значимости, самоуважения, потребность в развитии, самовыражении, творчестве и т.п. все еще остаются не воплощенными в нашей реальной экономической истории. Следует подчеркнуть также, что удовлетворенная материальная потребность уже не является фактором мотивации. Личность теряет стимул к труду. В связи с этим проблема восточнославянских особенностей мотивации к труду и постепенного преодоления сложившейся ментальной установки на выживание является одной из первоочередных в теории и практике управления, маркетинга, социологии, философской антро-

пологии, общей экономической теории. Одновременно она требует постоянного углубленного и всестороннего отражения в исследованиях по экономической истории. Установка на выживание, как главный мотив к труду и ментальная особенность производителя, непосредственно связана с еще одним немаловажным аспектом историко-экономической действительности. И низшие потребности удовлетворились далеко не в полной мере. Как свидетельствуют документы, подавляющей части восточнославянского населения в течение последнего тысячелетия чаще всего приходилось обходиться минимальным. Отсюда еще одна черта менталитета непосредственного производителя — непритязательность в пище, одежде, удовлетворение малым. “Эта удовлетворенность наша простейшим, малым и ничтожным, — писал Ф. М. Достоевский, — по меньшей мере, поразительна” [23, 311].

Но минимум жизненно необходимого всегда связан с ограничением потребительских, бытовых и трудовых возможностей производителя. Следовательно, речь идет о стеснении, ущемлении, о его молчаливом согласии, уступке обстоятельствам. Индивидуум как бы отмежевывается от притязаний на большее, ограничивает себя, смиряется. С одной стороны, длительность этого процесса может сказаться на социальной активности трудящегося, с другой — она реально ослабляет его внимание к собственной личности, ведет к известному отчуждению от собственного “Я” и даже пренебрежению к себе. Но минимум жизненных средств часто граничит с непосредственной нуждой, нищетой, а они, как известно, порождают тенденцию к ослаблению добродетелей. Укореняется пьянство, воровство, разбой, учащаются семейные конфликты. Одновременно, в условиях общины повышается роль сопереживания, соучастия, сострадания. К каждому, как и беда, они приходят извне. По этой и вышеуказанной причинам сознание производителя, в основном, сориентировано на внешние связи и обстоятельства и в значительной степени подчинено их хаотическому влиянию. И эта тенденция также имеет выход в современность.

Под влиянием рассмотренных негативных факторов историко-экономического развития восточнославянских народов определилась еще одна существенная особенность их менталитета — двойственное отношение к труду. Оно в значительной степени было связано со спецификой собственности на землю и вынужденным подневольным трудом на землевладельца или новейшую бюрократическую систему.

Реально большинство крестьян в крепостнической, капиталистической и советской России не были собственниками земли. Она находилась только в их владении. Крестьянин считался владельцем земли. Но фактически и в пореформенный период развешивала землю, приобретала участки земли, судилась за пастбища и другие угодья — община. Она же периодически перераспределяла землю между крестьянами. Выход последних из общины со своей землей был затруднен до Столыпинской аграрной реформы. Там, где существовала подворная система землепользования, земля принадлежала всем членам двора, а не единому хозяину — собственнику. Отделение молодых семей было связано с дроблением наделов и ослаблением производственных возможностей. Таким образом, и на своем наделном участке земли крестьянин был стеснен. Передел и раздел земли был связан с наделением ее узкими полосками. Пахать их можно было только вдоль, что усиливало эрозию. Посев, как правило, производился так, чтобы поменьше семян падало в разделительную борозду и к соседу. Поэтому густота посева в середине полосы и по краям была разная, что сказывалось на урожайности. В условиях общинного землепользования крестьянин знал, что обрабатываемый им участок принадлежит ему временно и при переделе может отойти другому хозяину.

Некоторые общины (среди них и села бывших военных поселений Юга Украины) имели фонд резервных земель, рассчитанный на прирост населения. Таким образом, в отдельных местах, при общем малоземелье, существовала возможность традиционного экстенсивного развития земледелия, препятствующая внедрению прогрессивной агротехники. Но и в условиях крепостнического режима, и в послереформенный и в советский период крестьянин работал не только на своем наделном клочке. Он трудился на земле барина, в условиях оработок и аренды земли — на плантациях помещика, а после коллективизации — на полях колхозов. Таким образом, на протяжении свыше тысячи лет он знал два вида труда: труд на своем владельческом участке и труд на земле барина, помещика, колхоза. Труд на себя имел, как мы отмечали, ряд недостатков и главный из них — отсутствие гарантированной, охраняемой законом частной собственности. Правда, реформа Столыпина была существенным шагом в этом направлении, но шагом запоздалым и незавершенным. В связи с этим отметим, что частная собственность теснее связывает производителя с землей и с рынком, дисциплинирует, повышает уровень его органи-

зованности и результативности труда. Ранее расслабленное, зависящее от стихии внешних явлений сознание обращается к самому себе, к процессу рационализации деятельности и самой жизни. Задержка развития в данном направлении препятствовала этим процессам и способствовала консервации целого ряда отрицательностей.

Что касается труда подневольного: на барина, на помещика в условиях послереформенных оработок и аренды земли, а также в колхозе, то здесь, как свидетельствуют источники, его организация и эффективность была значительно ниже. Этот принудительный, а также вынужденный малооплачиваемый труд расслаблял и дезориентировал производителя. То обстоятельство, что в его сознании и практике до сих пор сохраняется два подхода к труду: расслабляющий — труд как тяжелая, безрадостная повинность и активизирующий — труд заинтересованный, тесно связанный с личными материальными потребностями — на мой взгляд, следует рассматривать как негативность. Склонность хотя бы временно работать “спустя рукава”, “халтурить” закрепляется в навыках, постепенно деформирует умения и рано или поздно сказывается на труде всерьез. Культура труда снижается. Следует отметить все же, что эта ментальная установка, доставшаяся в наследство от прошлого, в условиях рыночной экономики может менять свою структуру и постепенно стать положительной.

Присматриваясь к процессу формирования и функционирования ментальных установок, мы убеждаемся, что формируются они под влиянием долгосрочных историко-экономических процессов и оказывают затем обратное воздействие на функционирование, развитие хозяйства и связанных с ним социальных явлений. То есть движение идет по схеме: влияние материальных факторов — формирование установок — обратное их влияние на материальную сферу. В связи с этим возникает следующий вопрос: не наблюдается ли в ходе подобного движения, наряду с закреплением рассмотренных установок, более глубокое влияние внешнего на внутренние элементы духовного мира производителя? Влияние, которое трансформируется в специфическую особенность менталитета. Для ответа на этот вопрос мы должны будем в самых общих чертах синтезировать имеющиеся научные данные о духовной системе личности. В результате интеграции знаний философской антропологии, психологии, физиологии, экономической теории, мы получим один из вариантов следующей рабочей модели:

Отметим, что все перечисленные структурные элементы являются: а) носителями, трансформаторами духовных процессов и одновременно — б) накопителями духовного в процессе долгосрочной эволюции человека и его относительно краткосрочного социально-экономического бытия. Исходя из предложенной модели, попытаемся определить особенности восприятий и их воздействия на мышление, язык, чувства и знание трудящегося. Подчеркнем, что постоянными основными факторами, определяющими содержание восприятий, являлись: процесс физического труда, первичное трудовое звено, в состав которого входил производитель — семья и земля как средство труда и пространство обитания. В процессе земледельческого труда физическое усилие тесно связано со всеми перечисленными элементами духовного, но и сильнее всего с эмоциями. Физическое и эмоциональное напряжение неразрывны. Труд сопровождается целая гамма чувств: бодрость, облегчение, усталость, удовлетворение, раздражение, злость и т.д. Одновременно, скажем, в период пахоты, орудие труда, тягловая сила, предмет труда и все с ним связанное воспринимается бесконечное число раз. Возникает нечто напоминающее известный закон упрочнения Торндайка. Только там речь идет о закреплении реакции в силу частых повторений, а здесь — о закреплении образов. В восприятии производителя образное и эмоциональное сливаются. А в силу примитивности технологии и несложности орудий, участие в этом процессе мышления, знаний и памяти — незначительно. Что касается опыта, то в силу той же простоты операций он еще не обладает потен-

циально-творческой энергией и склоняется к традиции. Таким образом, образно-эмоциональное в восприятии существенно превышает содержательно-логическую информацию. Это преобладание, и, в частности, яркость, прочность отпечатка образа в сознании, зависит также от физического здоровья и жизненной энергии производителя, от контрастности освещения на границах воспринимаемых объектов. Кроме того, сила образно-эмоционального восприятия в значительной степени определяется большим удельным весом ощущений. Образность включает в себя сенсорное. В условиях физического труда его продукт проходит через руки производителя. Шершавая или гладкая поверхность продукта, свежесть, тепло, прохлада, мягкость, твердость и т.д. — все это не только непосредственно входит в структуру восприятия, но делает его более объемным и как бы приближает к работнику. Происходит нечто похожее на освоение продукта, включению его в ауру человеческих ощущений и человеческого биополя.

Вторым мощным поставщиком образов является окружающая природа, земля. Будучи источником жизнеобеспечения и надежды, приближенная и освоенная с помощью труда, земля воспринимается трудящимися в образе матери-кормилицы, самого близкого и дорогого человека. Семейно-родовое чувство близости, родства, напластовывается на этот образ, усиливает и поднимает его до высоты первостепенной жизненной ценности. Братство человека и земли закрепляется в эмоционально-выразительном символе. Он становится проводником информации об объекте, но не в логической, а в чувственно-плазменной форме. Одновременно эмоционально воспринятые образы окружающей природы осваиваются сознанием, становятся неотъемлемым элементом языка, мышления, знания, переживаний. Природное входит в духовный мир, становится свойством души. Но лента образно-эмоционального восприятия существенно зависит от определенного непостоянства, переменчивости внимания. Это зачастую вносит известную хаотичность в поток воспринимаемого. Кроме того, природное само по себе также изменчиво, его восприятие зависит от времени, освещенности, настроения человека. Поэтому образное, идущее от природы, в известной мере стихийно, малоупорядоченно. Проникая в язык, мышление, знание, оно вносит элемент стихийности и в эти духовные звенья. Особо заметно это влияние в мышлении и поведении производителя, в организации труда и жизнедеятельности в целом. Однако, параллельно с этим, действует и несколько иная тенденция. Спокойствие и плавность окружающей равнины, постоянство

воздействия этого образа, технология труда, вызывают соответствующий настрой души, определенную динамику и последовательность действий. Следует подчеркнуть, что образно-эмоциональное восприятие окружающего существенно усиливается его эстетической составляющей. Чистейший родник, раскаленное марево над горизонтом, яркий степной горошек, обвивающий стебли пшеницы, звездная летняя ночь в степи, часто навсегда остаются в образной памяти земледельца. Но речь идет не только о душевном усвоении эстетического. Образно-эмоциональное в этом качестве пробуждает духовное, создает определенный настрой души, подталкивает мысль к осознанию красоты окружающего мира. Одновременно природно-эстетические образы выполняют еще одну немаловажную роль. Они, часто полуосознанно, выступают в качестве эталонов-напоминаний, догадки о том, что прекрасное может быть воплощено и в жизни. Подтверждение этой мысли находим в земледельческом народном фольклоре. Однако в действительности осознание разницы между образом желаемого, идеального и сущего часто становятся основой максимализма, неудовлетворенности, отрицания и конфликта. Это распространяется также на представление о человеке, включая управленческую элиту, конкретных начальников и подчиненных. Прочувствованное, впитавшее лучшее из жизненного опыта образно-идеальное, перенесенное в сферу отношений, является основой интуитивных оценок, причиной скепсиса, отрицательных характеристик и недоверия. А в случае совпадения ожиданий — причиной непоколебимой преданности, верности, любви, вплоть до самопожертвования. Окружающая природа воспринимается производителем и в ракурсе пространства обитания. Об этом много написано. Отдельные авторы, в том числе и Н. Бердяев, М. Горький утверждали, что безмерность восточнославянских пространств опустошает душу человека, вызывает чувство бессилия. Думая, что это не так. Безграничность пространства усиливает эмоционально-образное восприятие за счет масштабности, панорамности наблюдаемого. Широта визуальной информации вызывает известную открытость сознания и готовность к такому же широкому восприятию. Масштаб пространства, масштаб восприятия и масштаб души как бы временно совпадают. На почве образно-эмоционального восприятия рождается одухотворенное чувство пространственной неограниченной свободы человека. Вот откуда русское представление о воле-вольной и казацкое восприятие степной свободы в Украине.

Итак, образно-эмоциональное в восприятии и мышлении восточных

славян обнаруживает тенденцию к преобладанию над логическим. Это же касается всех других носителей духовного: памяти, навыков и умений, опыта, морали, подсознания. Особенно ярко эта тенденция прослеживается до первых десятилетий XX века. В советский период, в связи с механизацией производства, переходом к всеобщему среднему образованию, развитием вузовской сети и системы академической науки она существенно ослабла. Но в своих главных чертах продолжает действовать и в наши дни.

Кроме изложенного, есть и дополнительные аргументы в подтверждение выдвинутой концепции. Наиболее существенные из них, на мой взгляд, следующие:

а) о значительном удельном весе образного в восприятии и мышлении восточных славян свидетельствует особо яркая образность их языков;

б) высказанную точку зрения подтверждает также сопоставление образно-эмоционального и логического в духовной культуре России X-XX вв.;

в) выбор славянами религии, как он представлен в “Летописи временных лет”, свидетельствует о предпочтении образно-эмоциональных оценок;

г) достижение восточнославянских литератур — один из существенных аргументов в пользу наличия образно-эмоциональной тенденции в менталитете;

д) целый ряд виднейших представителей восточнославянской культуры склоняются к предпочтению чувства логике: Н. М. Карамзин (“дайте мне чувство, а не теорию”), П. Я. Чаадаев (“в чувства гораздо больше разума, чем в разуме чувства”), Ф. М. Достоевский (“можно многое не сознать, а лишь чувствовать”), Е. Н. Трубецкой (“сердце человека — высшее его сокровище”), В. С. Соловьев (“душа есть нечто большее, чем наше рефлекторное сознание”), Н. Ф. Федоров (“сердце — необходимая поправка холодной субъективности ума” и т.д.).

Но возникает следующий вопрос: какие положительные и отрицательные последствия вызывает тенденция к преобладанию образно-эмоционального восприятия и мышления с точки зрения человека, социально-экономических явлений и процессов, хозяйства в целом? Положительные стороны тенденции, на мой взгляд, характеризуются следующими основными фактами:

1. Образно-эмоциональное непосредственно входит в структуру общения. Оно объединяет славян. Это объединение, в ряде экстремальных случаев, может подыматься до чувства нерасторжимого братства, коллективного порыва, героизма.

2. В условиях рассматриваемой тенденции душевные качества человека ценятся очень высоко, но часто выше деловых способностей, что существенно влияет на подбор кадров и последующее решение дел. Потомок крепостного А. И. Деникин считал эту проблему одной из главных причин поражения белого движения.

3. Близость образно-эмоционального к идеальному, в благоприятных обстоятельствах, побуждает к совершенствованию личности, гармонии ума, чувства, такта, понимания других. В дореволюционном прошлом колоритными носителями этих качеств были лучшие представители русского дворянства: их славянское очарование (*la charm slav*) восхищало французов. Современные дворянские собрания могут и должны возродить эту замечательную традицию.

4. Положительное эмоционально-сенсорное воздействие земледельца на некоторые предметы труда (скажем, посевной материал, как свидетельствуют биохимики), близких и окружающих людей, в определенной мере, может способствовать улучшению дел.

5. Образно-эмоциональное, в благоприятных для трудящегося условиях, становится исходной причиной реконструкции мотивов и отношений к труду.

6. С рассматриваемой тенденцией связано также обостренное чувство родной земли. Образ страдающей матери-Родины в годы Отечественной войны действовал сильнее всяких пропагандистских призывов [24].

7. Глубоко прочувствованные эмоциями ситуации в пиковых, экстремальных условиях или тренинговых программах (с игровым перевоплощением в иные образы) вызывают глубокие положительные сдвиги в мышлении, сознании и самоорганизации личности.

8. Высокий уровень интеграции образно-эмоционального восприятия мира и искренней веры рождает подвижников (Феодосий Печерский, Илларион, Филлип Колычев, Вассиан Патрикеев, Аввакум Петров, Михаил Ломоносов и т.д.), но и заблудших тоже (Т. Лысенко, Н. Хрущев и т.д.)

9. Напластование, параллелизм и ассоциативность образов, при достаточной умственной активности индивида, могут стимулировать, развивать и совершенствовать эвристические формы мышления.

Однако тенденция к преобладанию образно-эмоционального имеет и отрицательные стороны. Наиболее существенные из них следующие:

1. Личность зачастую полностью занята внешним в ущерб познанию и совершенствованию своего внутреннего духовного мира.

2. Чувственно-образные оценки внешних явлений, событий, про-

цессов (в обход их сущности) часто ошибочны, содержат значительный элемент иррационального.

3. Стихийность и определенная неупорядоченность образно-эмоционального восприятия и мышления может находить выражение в беспорядочной организации жизнедеятельности, включая индивидуальный труд, работу производственного коллектива, элитарных структур.

4. Образно-эмоциональное не только стимулирует, но нередко и тормозит мысленный процесс. Люди с преобладанием образно-эмоционального мышления слабо адаптируются к новому, долго входят в изменяющуюся ситуацию, затягивают или осложняют принятие актуальных решений.

5. Эмоционально-образное клише, при известных условиях, становится основой стереотипов и одностороннего, догматического подхода к социально-экономической действительности, теории, труду, отдельным прослойкам и группам населения.

6. Образно-эмоциональное восприятие пространства, кроме позитивных моментов, включает и ряд негативных: безмерность и панорамность видения окружающего оборачивается преувеличенным значением всего большого (грандиозные новостройки советского периода, повороты рек и др.) и пренебрежение к малому. Между тем, малое в современных технологиях играет колоссальную роль. Трагедия Чернобыля явилась следствием пересечения устаревших, изживших себя элементов нашего менталитета с новейшими технологическими требованиями. С другой стороны, безмерность пространства, труда, тягот, терпения, унижения иногда побуждает трудящегося хватить через край, забыть всякую меру в анархическом порыве, свеситься над бездной, как говорил Ф. Д. Достоевский. В условиях длительных экономических неурядиц, потрясений и усиливающегося нажима на производителя, такие настроения могут стать групповыми и принять широкий разрушительно-нигилистический, антиобщественный характер.

7. В условиях решения экономических, правовых, политических проблем образно-эмоциональное ярче всего проявляется в постановке вопроса и освещения цели. Что же касается механизма, логики, воплощения задуманного, то она нередко остается самым слабым звеном и часто низводит к нулю все усилия.

Сопоставляя главные положительные и отрицательные стороны рассматриваемой тенденции, мы убеждаемся, что все они представ-

лены в сознании отдельного человека и этнической общности одновременно. Их взаимодействие связано с возникновением самых различных комбинаций, мотивов и действий. Детальное изучение этого процесса предстоит в будущем. Сейчас же можно отметить лишь самые общие его характеристики: стихийность, непредсказуемость и определенный крен в сторону алогических, эвристических воплощений. В целом же в неблагоприятных социально-экономических условиях образно-эмоциональная тенденция, несмотря на свою двойственность, склоняется к негативному и вызывает отрицательные экономические последствия.

Приведу небольшой пример. В СССР удельный вес производства предметов потребления в общем объеме производимой продукции неуклонно снижался: 1928 г. — 60,5%, 1940 — 39%, 1960 — 27,5%, 1980 — 26,2%, 1988 — 25,2% [25, 5]. Преобладала уравнилительная тенденция в оплате труда. Постепенно усиливалась инфляция. Снижался уровень реальной зарплаты. В этих условиях образно-эмоциональные установки, а также установки на выживание и двойственное отношение к труду продолжали сохраняться, что в совокупности с другими факторами вызвало снижение темпов роста производительности труда. Если в 50-х гг. среднегодовые темпы роста производительности составляли 9,2%, то в 60-х — 6,4%, а в первой половине 80-х гг. — 3,1% [26, 58]. В начале 90-х годов она понизилась до критической отметки. Затем последовало падение. Усложнение экономической ситуации привело к тому, что подавляющая часть населения оказалась за чертой бедности. Только в Одесском регионе 63% молодежи относят себя к малообеспеченным слоям населения. По данным социологических обследований, доход молодежи (14 — 28 лет) в середине 90-х гг. составил 60% от дохода взрослых. Повысился уровень безработицы и преступности. В этой ситуации преодоление отрицательных ментальных установок к труду существенно сдерживается. Поэтому общим условием ускорения данного процесса должны стать энергичные общегосударственные меры, направленные на возрождение производства, активные экономические преобразования и социальную защиту малоимущих. Вторым актуальным условием является всемерное улучшение физического состояния населения. Сегодня только в Украине 70% школьников имеют отклонения в здоровье. Около 15 млн. человек страдают от недостатка йода, что связано с резким понижением жизненного тонуса, опасностью умственного расслабления и малоумия. Пестициды и нитраты загрязнившие зем-

лю и воду, попадая в человеческий организм, вызывают врожденные уродства и онкологические заболевания. Смертность населения превышает рождаемость. Необходима широчайшая система государственных мер по сохранению многомиллионной армии самых носителей менталитета.

Третье важнейшее условие решения рассматриваемой проблемы — совершенствование системы образования. Именно она призвана ответить на вопрос: какой человек нужен обществу, определить высокие стандарты требований к обучающимся, новое содержание знаний, умений и навыков. Стремление к преодолению недостатков и использованию резервов менталитета должно пронизывать дидактику средней и высшей школы, процесс совершенствования методологии и методики преподаваемых дисциплин, междисциплинарные исследования, гуманитаризацию обучения. Его следует активно интегрировать в структуру модульно-развивающегося преподавания (модуль знаний, модуль целей, умений и навыков, модуль ценностей). Эффективное решение перечисленных задач требует дальнейшего совершенствования управления образованием и, в частности, ускоренного развития менеджмента образования как науки. Но и современный менеджмент организаций также располагает значительными возможностями регулирования ментальных проблем. Одним из главных аспектов его воздействия может стать, на мой взгляд, разработка новой, обращенной к менталитету и рынку теории мотивации труда. В ходе ее разработки следует учесть ряд основных предварительных условий. Она должна обеспечить сочетание побудителей самого разного уровня, связь мотивов к работе с мотивацией к жизни и саморазвитию, учет ментальных установок населения и зарубежного опыта. Естественно, теория мотивации должна включить и практический раздел, где, надо думать, будут представлены методики: а) организации специальных мотивационных и ментальнорегулирующих тренингов, б) разработки гуманитарных технологий духовного развития личности, семьи, организации, в) самоменеджмента (и самомотивации) управленческого персонала. В структуру теории, по моему мнению, кроме всего прочего, могут войти следующие составляющие:

1. Традиционный блок мотивов, связанных с уровнем заработной платы, содержанием, условиями, охраной труда. Но традиционное здесь должно быть увязано с мотивами духовного преображения, саморазвития и самореализации личности. Переориентацией ее с внешнего на внутренний мир, до уровня духовного господства над собой.

2. Блок интеграции смысловых, спортивных и производственных мотивов на почве побудителей, связанных с осознанием нового качества, ценности, искусства жизнедеятельности (в мире, организации, семье).

3. Семейно-производственный блок, нацеленный на усиление мотивационных и других стимулирующих связей между семьей и организацией. При этом последняя заботится не только о преемственности подготовки кадров, юбилейных семейно-поощрительных мероприятиях и доставке сотрудника на работу, но и о состоянии здоровья и спортивной формы всей семьи. Особое внимание уделяется детям школьного возраста и женщине-матери. Роль матери в восточнославянской семье, особенно в Украине, была традиционно высокой. Материнское отношение к детям являлось основной ценностной, моральной установкой человека, идеальным, труднодостижимым эталоном отношений к другим. Поэтому, освобождая женщину от ряда обременяющих обязанностей и высвобождая время для воспитания детей, мы заботимся не только о качестве текущих, но и будущих трудовых ресурсов, о качестве и моральности всего народа.

4. Блок управленческих мотиваций связан, в первую очередь, с капиталовложениями фирмы в социально-экономическое развитие коллектива в целом и наиболее многообещающих специалистов в частности. Сюда же входит постоянное периодическое переобучение, стимулирование возрастной мотивации производителей, самомотивация управленческого персонала и др. Управленческий персонал разрабатывает философию корпорации, общей основой которой является положение о трех субъектах собственности: акционерах, менеджерах, непосредственных производителях (японский историко-экономический опыт). Философия корпорации интегрирует все направления мотивации, преследуя цель духовного единства коллектива, повышения конкурентоспособности и уровня охраны внешней среды. Последний трактуется как один из главных показателей реальной духовной культуры коллектива, культуры, интеллекта и труда. Президент корпорации "Сони" Акио Морита в связи с этим подчеркивает, что для японцев "родина — достояние нации, находящееся на временном попечении живущих для передачи потомкам". Хорошо бы воплотить эту замечательную мысль в содержание новой концепции. Создание нетрадиционной теории мотивации с учетом преодоления недостатков и использованием резервов нашей ментальности, организация специальных ментальных тренингов и подготовка гуманитарных про-

грамм, в качестве одного из главных условий предполагает детальную разработку модели духовного мира личности.*

Подчеркнем также, что эта проблема особо актуальна для теории современного менеджмента, психологии, экономической истории, социологии и других наук. Ее актуальность особо ощущается в ежедневной практической работе менеджера с персоналом организации. Детальная модель духовного мира личности, основанная на знаниях его внутренних механизмов функционирования и развития — это компьютер в сознании управленца, позволяющий в считанные доли секунды определить и упредить мысленные, чувственные, подсознательные реакции подчиненного, косвенным путем проверить объем и методы использования профессиональных знаний. С ее помощью также выясняются и, по мере возможности, регулируются поведенческие установки. Кроме того, полученная с помощью модели информация может оказать существенную помощь в прогнозировании поведения конкурента, покупателя, прослойки потребителей. Ее использование может существенно повысить эффективность самоменеджмента, включая управленческий персонал.

Использование модели при разработке теории мотивации, тренинговых ментально-корректирующих программ и гуманитарных технологий, кроме непосредственного применения, может сочетаться с подготовкой специальных тестов, компьютерных программ и междисциплинарных алгоритмов истолкования полученной информации.

Простым и доступным средством могут стать также матрицы основных данных по каждому из структурных элементов модели. Подготовка методики составления таких матриц на междисциплинарной основе даст менеджерам возможность вручить каждому желающему витеграмму — карту его собственного духовного мира с указанием позитивных и негативных ментальных установок и способов их регулирования. Сказанное свидетельствует о том, что практическое решение ментальных проблем должно осуществляться путем создания широкой сети управленческих тренинговых компаний, центров разработки гуманитарных программ, обществ духовной помощи, движений общественного спасения и др. Духовным объединением управленцев и других гуманитариев с этой целью следует передавать помещения при вузах, отдельные объекты культуры. Постепенно на этой почве сформируется инфраструктура духовного обслуживания лич-

* Один из начальных, рабочих вариантов модели дан в настоящей статье.

ности, семьи, производственного коллектива, общества в целом. По существу возникнет новая отрасль, главной задачей которой станет оказание духовных услуг и производство традиционных и новейших товаров духовного назначения (специальные видеотренинги, видеокассеты, передвижные центры медитации и т.д.).

В связи с этим и всем вышесказанным потребность в новом теоретическом и прикладном разделе управления — менеджменте духовных производительных сил ясно очерчивается уже сегодня. Но эта потребность предстанет совершенно в новом свете, если мы еще раз обратимся к стихийности и малоупорядоченности образно-эмоциональной составляющей нашего менталитета. Как уже говорилось, в условиях экономических осложнений она имеет свойство трансформироваться в негативные процессы. Но длительный беспорядок в умах связанный с этой тенденцией и хозяйственным кризисом опасен и следующими последствиями: он может стать прямой угрозой общественной безопасности и привести к фашизму.

Отвечая на вопрос, в чем состоят преимущества его личности, А. Гитлер подчеркивал, что в головах немцев царил хаос, а его заслуга состояла в том, что он привел его в состояние порядка. Опасность такого “внешнего” решения проблемы в период нестабильности развития существует всегда. В восточнославянских странах она существенно усиливается напластованием целого ряда долгосрочных негативных процессов:

1. Расширением экспансии западной эрзац-культуры, ложнодуховных объединений, сект, расшатывающих основы традиционного менталитета.

2. Выхолащиванием духовного в человеке современной техникой и технологией.

3. Снижением уровня морали отдельных прослоек и групп населения, распространением нигилистических, антиобщественных настроений.

4. Недостаточным воздействием творческой составляющей традиционной духовной культуры на государственную элиту, население, исполнительные органы власти, систему управления, просвещения, законодательство и законопослушание. Само понятие духовной культуры, как традиционной сферы духовного творчества избранных, несколько устарело. Оно не включает детальных технологий духовного преобразования и развития личности, особо актуальных в современных условиях.

Преодоление сложившейся ситуации и упреждение политической, экономической и духовной катастрофы возможно только в условиях глубочайшей духовной реформации общества. Уже сегодня ее содержание следует раскрыть в специальной теории духовных производительных сил личности, семьи, производственного коллектива, нации в целом. [27].

Концепция духовного преобразования, повышение интеллектуальной и экономической конкурентоспособности объединит единством цели все классы, прослойки, этнические группы, партии. А в ходе ее воплощения менеджмент духовных производительных сил будет практической сердцевинной духовной реформации общества. Система его структурных подразделений, технологий корректировки и использования резервов менталитета, качественного преобразования человека, станет мощнейшим фактором культурного и экономического возрождения восточно-европейских стран. Многотысячному интернациональному братству ученых пора приступить к активным действиям.

Время не ждет.

Литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм XV—XVIII вв. — М.: Наука, 1986. — Т. 1-3.
2. Ж. ле Гофф Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992.
3. Хейзинга И. Осень средневековья. — М.: Наука, 1988.
4. Февр Л. Бои за истину. — М.: Наука, 1991.
5. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. — М.: Экономика, 1993.
6. Кулиш П. Записки о южной Руси. — К.: Дніпро, 1994.
7. Потебня А. А. Слово и миф. — М.: Правда, 1989.
8. Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. — М.: Мысль, 1988. — Т. 2.
9. Трубецкой Е. Н. Максимализм. — Юность, 1990. — № 3.
10. Грушевський М. С. Духовна Україна. — К.: Либідь, 1994.
11. Бердяев Н. А. Судьба России. — М.: Издательство МГУ, 1990.
12. Ментальність та історія ідей. — К.: Наукова думка, 1992. — Т. 1. Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.). — М.: Наука, 1994.
- Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы. — М.: Наука, 1989.
- Гуревич А. Я. Средневековый мир. — М.: Наука, 1990.
- Поликарпов В. С. История нравов в России. — М.: Феникс, 1990.
- Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. — К.: Либідь, 1996.
- Гнатенко П. И., Павленко В. Н. Этнические установки и этнические стереотипы. — Днепропетровск: ДГУ, 1995.
- Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики. — М.: Молодая гвардия, 1989.
- Касьянова К. О русском национальном характере. — М.: Экономика, 1994.

- Запаско Я. П. Українська рукописна книга. — Львів: Світ, 1995.
- Климов Е. В. Введение в психологию труда. — М.: МГУ, 1988.
- Українське народознавство. — Львів: Фенікс, 1994 и др.
13. Человек и общество. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
14. Культурология. — С.Пб., 1995.
15. Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). — М.: Наука, 1994.
16. Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. — К.: Наукова думка, 1992.
17. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. — М.: Наука, 1975.
18. Народное хозяйство СССР 1922 — 1982. — М.: Финансы и статистика, 1982.
19. Флетчер Д. "О государстве Русском". — Сборник документов по истории СССР. Ч. 3. — М., 1972.
20. Заблоцкий-Десятовский А. П. О крепостном состоянии в России. 1841 г. Записка. Сборник документов по истории СССР. — М., 1974.
21. Энгельгард А. Н. Из деревни. 12 писем 1872 — 1887 гг. — М., 1960.
22. Голод 1932—1933 років на Україні. Очіма істориків, мовою документів. — К., 1990.
23. Достоевский Ф. М. Искания и размышления. — М., 1983.
24. Письма фронтовые. Кемерово 1967: Говорят погибшие герои. — М., 1966.
25. Лукинов И. Проблемы экономической реконструкции в СССР. — Экономика Советской Украины, 1990. — № 8.
26. Ветчинов Н. А., Игнатович Н. И. Перестройка экономики и западные интерпретации. — К., 1990.
27. Уперенко Н. А. Четыре тезиса о духовной культуре. — Харьков: Бизнес-информ, 1995. — № 39-40. — Октябрь.